

Слуги подняли женщину и последовали за ним внутрь, а Сяо Хуань осталась стоять у двери бамбукового домика. Вскоре Инь Усяо вышел с окровавленными руками и сказал:

— Её ребёнок не выживет.

Сяо Хуань опустилась на колени, рыдая:

— Сестра Ланхуань... она уже хотела этого ребёнка... Сначала она не хотела, но несколько дней назад сказала мне, что этот ребёнок, хоть и наполовину от того зверя, но наполовину — её плоть и кровь, её чистое дитя...

Инь Усяо стоял в тени бамбука, слушая её плач, и на его мягком лице появилась тень печали. Но затем его взгляд изменился, он поднял свои окровавленные руки, с длинными пальцами, и пробормотал:

— Она хотела ребёнка, который был бы полностью её, без отцовской крови?

Тем временем за городом, в храме Бога Брака, было многолюдно, и посетители ходили туда-сюда. Главный зал был деревянным, с чистыми окнами, а в одном из боковых залов за арочной дверью, скрытой за деревьями османтуса, дежурили два маленьких служителя храма, говоря, что зал ещё ремонтируется и посетителям туда нельзя.

Но в этом якобы ремонтируемом зале было чисто и аккуратно, в передней части висела жёлтая занавеска, за которой стояла статуя бога в красной мантии. В зале был только один человек, стоявший напротив статуи, отделённый от неё столом с курительницей. Это был мужчина в чёрной одежде, с мечом на поясе, высокий и стройный, с прямой спиной. Даже его спина излучала уверенность, его брови были густыми и длинными, и обычно его губы были слегка улыбчивыми, но сейчас на них не было и следа приветливости, только насмешка.

Он ждал, пока пепел в курительнице упадёт, и только тогда дверь скрипнула и открылась. Служанка, сопровождавшая гостью, ушла по приказу, и Гу Хуань, опираясь на дверной косяк, вошла, улыбаясь:

— Я опоздала.

Лэ Юй обернулся и сказал:

— Я пришёл рано.

Она снова улыбнулась, пришла, несмотря на болезнь, всё в той же зелёной одежде, в которой была в ту ночь, когда посещала Вань Хайфэна. Днём это платье казалось ещё более широким. Она медленно подошла и опустилась на циновку перед статуей, сказав:

— Юй, ты знаешь, почему я позвала тебя сюда?

Она была тяжело больна, и её слова звучали слабо, но выражение лица было спокойным, и

улыбка в уголках глаз была такой же, как у юной девушки, которой она была на острове Пэнлай. Лэ Юй почувствовал что-то неладное, но не стал возражать, сказав:

— Ты пришла, чтобы вернуться со мной на остров Пэнлай. На этот раз ты должна вернуться со мной.

Гу Хуань удивилась:

— Нет.

Она сидела на циновке и сказала:

— Юй, я позвала тебя сюда, потому что, если бы не наша договорённость, мои люди больше не позволили бы мне одной сюда приехать — хотя это всего лишь пригород, для меня это уже далеко. Я позвала тебя сюда, чтобы рассказать, кто я на самом деле.

Лэ Юй усмехнулся:

— Кто ты на самом деле?

Гнев начал подниматься в нём, и он смутно чувствовал, что что-то непоправимо. Она сказала:

— Мы с тобой разные люди. Ты говоришь, что никогда не понимал меня, но я тоже никогда не понимала тебя. Наша детская дружба была счастьем в моей жизни, но теперь, оказывается, это стало твоим несчастьем.

Лэ Юй молчал, и она продолжила:

— Когда я уезжала с острова Пэнлай, моя приёмная мать подарила мне кое-что на прощание, это было моё единственное приданое. Это была пилюля Возвращения Души. Она сказала, что у меня слабое здоровье, но амбиции велики, и она предвидела, что то, что я хочу сделать... может закончиться смертью, не завершив великого дела. Поэтому она дала мне это лекарство, которое, будучи принятым, продлевает жизнь на тысячу дней. Когда срок истечёт, никакое лекарство не поможет, и я умру. Я приняла эту пилюлю, когда извлекала яд для Сяо Цзю, иначе бы не выжила.

Она посмотрела на статую и сказала:

— Я считала себя умной, но никогда не была матерью, и в этом я уступаю настоящим матерям. Только когда принимала пилюлю, я поняла, что моя приёмная мать дала мне это лекарство, чтобы я могла исполнить свои желания, но также чтобы ты смог разорвать нашу детскую дружбу и больше не быть связанным со мной.

Лэ Юй сказал:

— Не упоминай мою мать.

Гу Хуань ответила:

— Хорошо.

Она помолчала и добавила:

— Ты помнишь, что я оставила тебе каллиграфию перед отъездом?

Она с долей иронии и печали произнесла:

— Слишком уж я состарилась.

Это было начало стихотворения, слова Конфуция: «Слишком уж я состарился — давно я не видел Чжоу-гуна во сне». Но она подумала: [Сколько времени прошло? Я больше не вижу Сяо Шанъи во сне.]

В это же время в темнице, куда проникал дневной свет, железная дверь внезапно открылась, и в каменной комнате раздался скрип. Два тюремщика с факелами освещали ступени, и за ними вошёл человек, одетый в богатые одежды, даже его обувь была вышита узорами. Войдя в камеру, он увидел квадратный бассейн глубиной в несколько десятков метров, наполненный чёрной водой, от которой исходил неприятный запах. Но он не закрывал нос, и когда зажгли факелы, его красота сделала это место похожим на сад орхидей.

Князь Шоушань находился в отдельной камере, его не подвергали пыткам, но с него сняли корону и мантию, оставив в белой одежде, с волосами, закрывающими лицо. Несмотря на беспорядок, его лицо под волосами сохраняло благородство. Он осмотрел вошедшего и насмешливо сказал:

— Похоже, ты победил меня, но не получил от отца титула наследника престола.

Евнух, стоявший позади, хотел что-то сказать, но Сяо Шанли велел ему уйти, и, глядя на кувшин и чашу, которые он держал, сказал:

— Я ещё не проводил шестого брата на тот свет, потому не осмеливаюсь надеть одежду наследника.

В глазах князя Шоушаня вспыхнула ненависть, и он сказал:

— Мой сегодняшний день — твой завтрашний.

Но Сяо Шанли ответил:

— Я не такой, как ты. Сегодня у меня нет времени на долгие разговоры, у меня есть дела поважнее. Чтобы сохранить репутацию отца, я не могу казнить принца, поэтому шестой брат должен «покончить с собой по своей воле». Я принёс тебе отравленное вино, другого выбора нет, извини за неудобства, и теперь, пожалуйста, действуй.

В другом месте, в боковом зале, где было светло, под статуей Гу Хуань сказала:

— Ты спрашивал меня, почему письмо Сяо Шанъи заставило меня оставить друзей и семью и уехать в Южную Чу. На самом деле он не говорил со мной о «любви», с самого начала у нас не было романтических чувств. В его письме было всего восемь слов: «Мир на море и реках, мир во всём мире».

А что она ответила ему? Она тоже написала восемь слов: «Если путь не пройден, плыви на лодке по морю». Конфуций говорил, что если его путь не будет пройден, он уплывёт за море. Но она, видя, что правильный путь не пройден, уплыла за море, с острова Пэнлай в мир смертных, зная, что путь не будет пройден, но всё же решила следовать ему.

Лэ Юй изменился в лице, но она сделала вид, что не заметила, и продолжила:

— Ты не веришь в существование мудрого правителя, не хочешь, чтобы в мире был правитель. А я хочу «сделать правителя, как Яо и Шуня, и вернуть чистоту нравов». Я хочу «мира на море и реках, мира во всём мире». Я хочу, чтобы в мире был правитель, который ставит народ выше государства, а государство — выше себя. Я видела в нём современного Чжоу-гуна, который заботится о народе, и народ возвращает ему свою преданность. А он относился ко мне как к государственному деятелю, и я отвечала ему тем же.

Это была благодарность за признание, верность мудрому правителю, гармония между правителем и подданным, и она была готова умереть ради этого. Но так как они были мужчиной и женщиной, люди воспринимали их отношения как романтические. Гу Хуань уже много раз обдумывала, как рассказать о своих переживаниях, и теперь говорила спокойно, но слёзы катились по её лицу, смачивая одежду.

Смерть Сяо Шанъи была кровью в её глазах, слезами в сердце и болью всей её жизни. Она закрыла лицо рукавом, плача и улыбаясь:

— С детства все думали, что если мне что-то нравится, то это должно быть что-то вроде того, как мне нравится стихотворение, и все думали, что мне нравится строка «Я вижу зелёные горы, они прекрасны, и они, наверное, видят меня такую же». Но я уже говорила тебе, хотя, может, ты забыл, что мне нравится строка «Не жалею, что не видел древних, жалею, что древние не видели моей дерзости».

Не жалею, что не родился на несколько веков раньше, чтобы увидеть дерзость древних, но жалею, что древние не родились позже, чтобы увидеть мою дерзость. Мало кто из мужчин верил, что женщина может быть такой дерзкой, и тем более не мог поверить, что женщина может быть настолько решительной, чтобы поставить перед собой великую цель.

В тюрьме князь Шоушань посмотрел на двух тюремщиков и евнуха, и его охватил страх. Если он не умрёт, эти люди, которых он считал ниже себя, заставят его выпить яд.